

1993 м 4-8

Рахманинов С. В.

Рос. мисс 1993 - 1993 - 29-8-82

«НАПИШИТЕ ОБО МНЕ КАК МОЖНО МЕНЬШЕ...»

Рахманинов проездом в Париже. Остановился в той же гостинице, близ площади Этуаль, где останавливался все эти годы. В комнате гостиницы, такой же, как комнаты всех больших гостиниц Европы и Америки, передо мной в углу, у рояля, знакома мелочам всего мира, длинная, худая фигура, бритое, продолговатое, с крупными чертами лицо. Рахманинов говорил медленно, негромким, однообразным голосом. И сразу чувствуешь, что не любит говорить, и ему, вероятно, наскучили журналисты и вообще все люди, расспрашивающие о его деятельности, личности и времяпрепровождении.

Длинными худыми пальцами Рахманинов раскрывает портсигар, закуривает и покашливает в дыму. Рахманинов говорит:

— 24 декабря уезжаю в Америку. Там дам много концертов в десятке городов. А перед тем еду в Голландию, на месяц в Англию, затем, проездом через Париж, в Германию, Вену, Будапешт, Цюрих... Первый мой концерт в Амстердаме — через неделю. В Америке я останусь до 1 апреля.

— Вы что-нибудь сочиняете?
— Ничего не сочиняю. Мне кажется, я потерял способность сочинять. Я устал. Знаете, после семи месяцев сплошных концертов уже не думаешь о творчестве. После такой каторжной работы хочется лишь отдохнуть. Вот этим летом в Рамбуле я, можно сказать, занимался считаньем ворон в саду. Да еще съездил на три дня в Сен-Жан-де-Люс, и Шалляпину. Очень было приятно повидать Федора Ивановича...

— Вы сами правили?
Рахманинов улыбается.

— Я всегда правлю сам. — Смело могу сказать — я прекрасный шофер.

— А вы не думаете поехать в Южную Америку?

— Не поеду. Из Нью-Йорка в Аргентину двенадцать дней езды. Мне не по силам уже такое путешествие. Каждый второй год я еду в Калифорнию: четыре с половиной дня нужно путешествовать. Очень это не весело. Вот и в Австралию

меня зовут. Там сейчас все больше развивается концертная жизнь. Но меня это не манит — не поеду.

Подумайте, мне есть от чего устать. В Европе в эти два месяца я дам тридцать три концерта, а в Америке не менее сорока. В будущем сезоне думаю сократить свои концерты вдвое.

Спрашиваю Рахманинова про Америку.
— Очень люблю Америку. Ведь я там уже одиннадцать лет живу, каждую зиму — неизменно, зиму в Америке, лето в Европе. Так, если Бог даст, буду жить и впредь. Америка, можно сказать, моя вторая родина. И правда, американцы очень хорошо относятся к иностранцам, никакого различия не делают между своими гражданами и нами.

— А где вы постоянно живете в Америке?

— Постоянно нигде. В Нью-Йорке у нас своя квартира, но в ней мы живем всего лишь две-три недели. Все разъезжаем. Ведь мы все, артисты, так сказать, летучие голландцы. Моя жена меня всегда сопровождает и по Америке, и по Европе. Она мне очень много помогает, и с каждым годом мне ее помощь все больше нужна. А дочери мои — во Франции, старшая здесь вышла замуж. Но обе они получили американское образование. Старшая окончила в Америке университет, а младшая — гимназию.

Спрашиваю про художественную жизнь в Америке.

— Видите ли, когда ко мне приходит

какой-нибудь артист и советуется — ехать ли ему в Америку, я всегда говорю — не поезжайте. Там полное перепроизводство в искусстве. Когда с неба сыпятся доллары, это всегда конец. И все это произошло в Америке за последние двадцать лет. Сравнить нельзя Америку нынешнюю с Америкой 1909 года, когда я там был впервые. Артисты сейчас едут туда, как ехали прежде в Берлин. Едут за критикой нью-йоркских рецензентов. Но имеющих там настоящий успех можно сосчитать по пальцам, и притом если по обеим рукам считать, то пальцев окажется слишком много. Так же мало и концертов, которые по-настоящему посещаются. А сколько приходится нам, артистам, затрачивать денег на концерты! Все эти концерты с сомнительным успехом американцы называют «пепер» — бумага, потому что на них большинство ходит не по покупным билетам, а по контрамаркам. Очень редко кому удается действительно выдвинуться. Вот, например, выдвинулся совсем молодой еще человек Горюхиц; тот достиг действительно многого. Но ведь у него и совершенно исключительное да-

вание...

Да и как там выдвинуться? Подумайте, в Нью-Йорке каждую неделю дается не менее шести симфонических концертов, а сколько всяких прочих концертов — я и не говорю.

— Скажите, вы ведь, вероятно, тоже считаете, что американцы в искусстве ничего значительного сами не создали?

— Мне кажется, что у них еще не было времени вполне проявить себя. Только три года, как существует в Америке настоящая консерватория. Причем — не правительственная, правительственных консерваторий там вообще нет. Все создается частными людьми, и, должен сказать, создается великолепно. Вот в Филадельфии существует теперь консерватория. Она обходится примерно в триста тысяч долларов в год. Содержится она одной женщиной, миссис Бок. Нью-Йоркскую же консерваторию создал мистер Жияр, он пожертвовал на нее несколько миллионов долларов.

— А вы не думаете, что в американской нации есть какой-то органический недостаток, который не позволяет ей сотворить подлинно значительное в искусстве, в частности в музыке? Не думаете ли вы, что американцы похожи на «нуборшай», которые из снобизма составляют себе картинные галереи, приобретают на свои миллионы лучшие картины, но сами ничего в живописи не понимают?

— Это не совсем так, — говорит он. — Повторяю, Америка еще не дала всего, что может дать. Но вот уже теперь в Филадельфии такой оркестр, что я могу смело сказать, что это первый оркестр в мире.

Я заговариваю с Рахманиновым об огромной помощи, оказываемой им русским учреждениям, о всем том, что он сделал для русских эмигрантов.

— Зачем же я буду сам об этом рассказывать? — возражает Рахманинов. — Недавно я прочел интервью с Клемансо. Клемансо сказал на прощание журналисту: а больше всего вы мне доставите удовольствия, если напишете обо мне как можно меньше... Так же хотелось бы закончить и мне.

Л. Л.
«Русская мысль»,
1929, 15 октября.
Публикация И. ХАБАРОВА.

РАХМАНИНОВСКИЕ ПРАЗДНЕСТВА... НА ТАМБОВЩИНЕ

Юбилейные дни на родной земле композитора прошли с особой сердечностью и с большим размахом. Концерты из его сочинений собрали (все) переполненные залы; местный краеведческий музей подготовил экспозицию; картинная галерея вместе с Музеем музыкальной культуры им. Глинки открыла не обширную, но в высшей степени интересную выставку «Образ Рахманинова в изобразительном искусстве», где прижизненные портреты композитора (К. Сомов, Л. Пастернак, Б. Шалляпин, А. Ционглинский) соседствовали с работами современных художников.

А в Тамбовском музучилище проходила международная научно-практическая конференция «Рахманинов и мировое музыкальное искусство». Среди участников — гости из Англии и Японии, преданные ценители и знатоки творчества Рахманинова: Джеффри Норрис (составитель единственного полного указателя произведений и рукописей композитора); Итиро Уто (издатель романсов Рахманинова в собственных переводах) и др. Зарубежные гости здесь уже не в первый раз и всегда приезжают с ценными дарами для Ивановки — родовой усадьбы Рахманинова (в 150 верстах от Тамбова). На этот раз они привезли сюда аудио- и видеотехнику, а также фильмы о композиторе, снятые в Англии и Японии.

Титаническими усилиями бессменного директора Дома-музея в Ивановке А. Ермакова здесь восстановлен флигель (где располагаются теперь содержательная экспозиция и концертный зал), подведен уже под крышу большой усадебный дом, воссозданы хозяйственные постройки, возрождаются сад, парк, пруды. А начали на совершенно пустом месте: все было уничтожено в годы революции, а деревенский храм снесен после войны. Большую помощь Ивановке оказывают местные власти и родственники композитора, живущие в России и за рубежом (на празднике были Ю. Рахманинов и Н. Сатина-Вольная).

Конференция собрала музыковедов и исполнителей из Москвы, Ростова-на-Дону, Нижнего Новгорода, Тбилиси, Уфы,

Казани и, конечно, из Тамбова. Спектр тем оказался достаточно широким, начиная с духовной музыки Рахманинова и связей его творчества с эпохой («серебряный век»), стилями (романтизм, культура «модерна») и кончая сообщениями о новых документальных находках.

Весь сопроводительный материал праздника был издан отлично и вовремя, и ожидается выход в свет библиографического указателя по Рахманинову, подготовленный в Тамбовском институте культуры.

Организация юбилейных торжеств на Тамбовщине была просто замечательной, и в этом большой вклад разных ветвей местной власти. Мэр города В. Коваль принял участников праздника, и мэрия оставила у всех исключительное впечатление: в этом старинном, со вкусом отреставрированном особняке — никакого официоза, но много цветов и роль, на котором звучала музыка Рахманинова.

М. РАХМАНОВА.

...В РОСТОВЕ-на-ДОНУ И В МОСКВЕ

С 25 по 30 апреля прошел фестиваль «Рахманиновские дни в Ростове». Эта неделя была для музыкантов, исследующих, исполняющих и любящих музыку Рахманинова, погружением в психологию, эмоциональный строй и жизнь великого художника.

Каждый вечер в филармонии звучала музыка композитора. Впервые — неоконченная опера «Монна Ванна», восстановленная по черновикам ростовскими музыковедами во главе с К. Жабинским, и ряд камерных произведений. В один из дней, просматривал новые документальные фильмы о Рахманинове, участники фестиваля стали свидетелями живой жизни, непосредственных живых реакций человека, любящего звучку, играющего в четыре руки с женой, веселящегося и отдыхающего с друзьями и т. д. Открытая тогда же выставка материалов и документов из фондов Музея музыкальной культуры им. Глинки дала возможность сопоставить с творческим обиходом мастера: аккуратно разложенные на письменном столе карандаши, ручки, нотная бумага, пасьянсные карты... Все красиво и строго.

Во время фестиваля состоялась открытие мемориальной доски Рахманинова на здании университета (бывшей торговой школы), где проходили концерты велико-

го пианиста, и бюста композитора в вестибюле Ростовской консерватории. Четыре дня длилась научная конференция «С. В. Рахманинов и художественная культура его времени», на которой выступили более 30 докладчиков, в том числе по сравнительно мало изученным темам: Рахманинов и XX век; религиозно-философское начало в творчестве композитора и его духовная музыка.

С 10 по 12 мая эстафету «рахманиновских дней» подхватила Москва. В Рахманиновском зале проводилась конференция, организованная Московской консерваторией и Обществом им. Рахманинова. Здесь также открылись новые аспекты творчества композитора, такие, как духовная тематика, проблема судьбы и автобиографичность в искусстве Рахманинова... Конференция сопровождалась концертами в Большом зале консерватории и как бы была обрамлена неизвестными версиями рахманиновских сочинений: первоначального варианта хора «Благослови, душе моя, Господа» (хор студентов Московской консерватории) и Прелюда до-диез минор для двух фп. в четыре руки (Е. Сорокина, А. Бахчиев).

Организаторы этих прекрасных праздников рахманиновской музыки сделали все возможное, дабы достойно отметить славный юбилей (мэрия Ростова-на-Дону и проректор местной консерватории А. Цукер, Общество им. Рахманинова во главе с В. Мержановым, оргкомитет конференции в Москве во главе с А. Кандишским).

И. НЕМИРОВСКАЯ.

ЧЕЛОВЕК—МИР— ВЕЧНОСТЬ

Вы все еще уверены в справедливости утверждения: «На детях гениев природа отдыхает»? Тогда обязательно посмотрите выставку картин и рисунков Бориса Шалляпина, открытую в доме его отца, и вы убедитесь, что это неправда. Уже второй месяц почти 40 работ художника живут в залах музея. Они будут «прописаны» там еще очень долго, и, возможно, многие останутся в нем навсегда.

Первое, что видишь, переступив порог, — глаза, смотрящие на тебя с холстов. Изучающие, отрешенные, рассеянные, ироничные — кажется, ни одно состояние души не забыто художником. Вот Рахманинов. На черном фоне — композитор в темном пиджаке положил руки на подлокотники кресла и словно застыл. Полное ощущение внешнего покоя — и взгляд человека, видящего сквозь тебя какую-то, ему только ведомую тайну. Вот «Слепой певец». Старик похож на дерево, иссушенное солнцем, со сморщившейся, потрескавшейся кожей, растратившее все соки... А вот «Лиловый конь» — на нас смотрит само время, присевшее под тяжестью седока (кто он?), от испуга или по его воле мчащееся напролом сквозь вечность: оно так же ирреально, как цвет коня...

Но хватит о портретах. Здесь есть замечательные пейзажи. Я смотрю на волнообразные линии гор, на зелено-голубые миражи Южной Франции, и меня обжигает горячий влажный ветер, а ноги уходят по шиклоптку в раскаленный песок побережья. И спустя полшага обдаст холодом — русский пейзаж «Осень — поздние дожди, осень — юные морозы, забудежные березы ковылят по Русь».

И наконец, эскизы декораций для театра и кино. Четыре цикла, вращающиеся щупальцами-руками, хищно нависающие на хрупкую фигурку всадника — так прочел художник комичную сцену поединка «рыцаря печального образа» с ветряными мельницами. Страшно, очень страшно за Дон Кихота — в XX в... Келья — каменный кокон, где бабочка-монахиня то ли поймана решеткой и дверью, то ли зашита на иголке. На щеках стен кровавые мазки заката, смешанные с огнем лампы...

Путешествие кончилось, я вышел во двор, и кованые ворота со злорадным скрипом отрезали от меня мир, в котором на несколько часов я забыл о митингах, вачерах, импичментах и других реалиях сегодняшнего дня. «...Потому что всегда мы должны возвращаться...»

А. КРЕЙЧИ.

